
ОГОНЬ И ДЫМЪ.

(Отрывки).

Варѳоломеевскій годъ. Одинъ изъ очевидцевъ ночи 23 августа 1572 года безхитростно рассказываетъ на старинномъ французскомъ языкѣ: "Въ эту ночь смерть и кровь понеслись по улицамъ нашего добраго города. Я видѣлъ знатныхъ господъ, которые съ яростью проносились мимо меня, крича: "Tuez, tuez, le roi l'ordonne!" Не знаю, въ чемъ дѣло, но они, вѣроятно, правы. Только смотрѣлъ я на все это въ глубокомъ изумленіи (à merveille estonné). Наконецъ, я рѣшился выйти, — огонь уже догоралъ, но шелъ по Парижу густой черный дымъ".

Когда лѣтъ шесть тому назадъ намъ попадались въ руки письма или воспоминанія современниковъ Варѳоломеевской ночи, чуждой и непонятной представлялась намъ мрачная психологія людей 16-го вѣка. Вотъ хотя бы что доносилъ съ восторгомъ Филиппу II его парижскій посолъ Цунига подъ первымъ впечатлѣніемъ кроваваго зрѣлища:

"Въ то время какъ я пишу, они (католики) убиваютъ ихъ всѣхъ, срываютъ съ нихъ одежды и влачатъ ихъ по улицамъ; они грабятъ дома и не даютъ пощады даже дѣтямъ. Да благословенъ будетъ Господь, который привлекъ французскихъ принцевъ къ своему святому дѣлу! Да внушить онъ сердцамъ ихъ продолжать такъ, какъ они начали".

Самъ король испанскій, по словамъ современниковъ, получивъ извѣстіе о Варѳоломеевской ночи, разсмѣялся отъ радости въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни. Онъ велѣлъ пропѣть *Te Deum* въ монастырѣ св. Іеронима и немедленно отвѣтилъ Цунигъ: "Ваше извѣстіе было одной изъ величайшихъ радостей, когда либо выпадавшихъ на мою долю. Сейчасъ-же выразите королевѣ-матери удовлетвореніе, которое вызываетъ во мнѣ дѣйствіе, столь угодное Богу и Христу; оно будетъ передъ потомствомъ величайшей славой короля, моего брата".

Не менѣе довольна была и королева-мать. Она изъявила свое удовольствіе въ формѣ сжатой и логичной: "Гораздо лучше, чтобы это случилось съ нами, чѣмъ съ нами". И Катерина Медичи прибавляла иронически на рифмованномъ французско-латинскомъ языкѣ: "*Beatus qui non fuerit in me scandalizatus*".

Впрочемъ, никто почти особенно скандализованъ и не былъ. Извѣстный памфлетъ Отмана (*De furoribus gallicis*), который сдѣлалъ изъ Варѳоломеевской ночи весьма радикальные — пожалуй, и для нашего времени — политическіе выводы, составляетъ исключеніе. Католическое общественное мнѣніе отнеслось къ событію даже нѣсколько благодушно. Веселый Брантомъ упомянулъ о немъ въ своемъ обычномъ тонѣ балагура (оправдывая репутацію, сдѣланную ему позднѣйшимъ критикомъ: "этотъ человѣкъ ни разу въ жизни не поинтересовался вопросомъ, что такое добро и зло").

Были однако и исключенія въ станѣ торжествующихъ побѣдителей. Тотъ же Брантомъ рассказываетъ о благочестивой Елизаветѣ, королевѣ французской, женѣ озвѣрѣвшаго Карла IX: «*Elle s'étoit allée coucher de bonne heure la veille de la saint-Barthélemy. Ne s'étant réveillée qu'au matin, on lui dit à son réveil le beau mystère qui se jouait.*» Hélas! dit-elle soudain, le Roy mon

mari le scait-il? » — « Oui, Madame, répondit-on, c'est lui-même qui le fait faire ». « O! mon Dieu! s'écria-t-elle, qu'est-ce cecy? et quels conseillers sont ceux qui luy ont donné tel advis?... Mon Dieu!... J'ay grand peur que cette offense ne lui soit pas pardonnée ».

Теперь, на порогѣ двадцатыхъ годовъ двадцатаго вѣка, мы читаемъ разсказъ Брантома иначе. Цѣлые годы живемъ мы въ умственной и моральной атмосферѣ Варѣоломеевской ночи. Психологія испанскаго посла намъ теперь ближе и понятнѣе, нежели психологія французской королевы. Послѣднее пятилѣтіе представляетъ собой поразительный рецидивъ исторіи. Пулеметь замѣнилъ пищаль, вотъ и весь прогрессъ съ 16-го вѣка. А вѣдь были ученые, спорившіе съ Вико по вопросу о возможности историческихъ *ricorsi*.

Огонь, бурлившій пять лѣтъ, кажется, понемногу догораетъ. Но идетъ по всей Европѣ густой черный дымъ. Мѣстами сверкаетъ и пожаръ: одно изъ этихъ мѣстъ — шестая часть земли. Варѣоломеевскій годъ кончился. Варѣоломеевскій годъ начинается.

Объ Алкивіадахъ. Когда аѣиняне перестали говорить о великолѣпной собакѣ Алкивіада, онъ отрубилъ ей хвостъ. Собственно, это было не совсѣмъ такъ (по крайней мѣрѣ, если вѣрить первоисточникамъ). Но именно въ такомъ видѣ вышеприведенный эпизодъ сталъ цитироваться историками и моралистами въ качествѣ примѣра ненасытнаго человѣческаго тщеславія. Отрубить хвостъ собакѣ, которая стояла 70 минъ! Между тѣмъ, въ сущности, позднѣйшіе, политическіе подвиги Алкивіада обошлись Аѣинамъ гораздо дороже: способъ рекламы, избранный греческимъ героемъ въ юности, былъ на самомъ дѣлѣ довольно безобидный: отъ него никому не было ни тепло, ни холодно, кромѣ, разумѣется, собаки. Удивительнѣе всего въ этой исторіи

было то, что къ подобной рекламѣ прибѣгнулъ человекъ, которому щедрая природа отпустила всѣ рѣшительно дары : красоту, умъ, краснорѣчіе, энергію, храбрость, образованіе...

Помнится, задолго до нынѣшней революціи, даровитый и оригинальный русскій публицистъ г. Муретовъ пророчески цитировалъ стихи :

Намъ пращуры работу дали,
Создавши Русь своимъ горбомъ:
Они Россію собирали,
А мы Россію разберемъ.

Предсказаніе поэта оправдалось — разумѣется, лишь на нѣкоторое время. Россія соберется опять, это совершенно несомнѣнно. Но почему же "мы" Россію разобрали? И кто это "мы", разобравшіе Россію? Вотъ вопросы, которыми займется большая исторія и для разрѣшенія которыхъ она выдвинетъ очень много измовъ : централизмъ, большевизмъ, сепаратизмъ и т. д. Но для очевидцевъ это, вѣроятно, будетъ недостаточно убѣдительно. Кто изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ могъ бы подумать, что въ Россіи повсюду (вплоть до Ярославской губерніи, гдѣ тоже объявился свой сепаратизмъ) существовали такія огромныя центробѣжныя силы? Если однако вопросами этими интересуется и такъ называемая малая исторія, *la petite histoire*, она вѣроятно, объяснитъ случившееся просто тѣмъ, что въ Россіи прозябало многое-множество маленькихъ и крошечныхъ Алкивиадовъ, которые не знали, какой собакамъ отрубить хвостъ.

Пишущій эти строки изъ всѣхъ сепаратизмовъ видѣлъ своими глазами только одинъ — украинскую самостійность. Газеты, выходящія на мовѣ (судя по словамъ знатоковъ, на очень плохой мовѣ), называли этотъ сепаратизмъ явленіемъ огромнаго историческаго значе-

нія. Но и противники самостоятельности считались съ ней, какъ съ фактомъ, требующимъ "весьма осторожнаго и вдумчиваго отношенія". Любопытно то, что передъ этимъ фактомъ сепаратизма остановились съ почти-тельнымъ испугомъ даже большевики, люди, какъ извѣстно, не слишкомъ церемонящіеся съ подлинной исторіей: они основали украинскую совѣтскую республику, — правда, совѣтскую, но все же украинскую. Совершенно иначе воспринимала "фактъ огромнаго историческаго значенія" молва, предшественница малой исторіи: она резонно указывала, что, если бы не было самостоятельности, то кто бы зналъ и кто бы щедро оплачивалъ деньгами и почетомъ премьера Голубовича и "генерала" Петлюру?

Комедія украинской самостоятельности теперь, повидимому, снята съ репертуара. Но на берегахъ Балтійскаго моря сезонъ политическаго фарса продолжается. Къ намъ часто приходятъ вѣсти о кабинетахъ, совѣщаніяхъ, конференціяхъ, засѣдающихъ въ столицахъ Латвіи, Эстляндіи, Курляндіи. Иногда Рейтеръ уныло дѣлаетъ попытку сообщить фамиліи главныхъ дѣятелей этихъ кабинетовъ—и всякій разъ почему-то кажется, что фамиліи имъ перевраны: такъ намъ трудно привыкнуть къ мысли, что премьерами, президентами, министрами могутъ быть люди, рѣшительно никому на свѣтѣ неизвѣстные. А между тѣмъ, именно, въ этой совершенной неизвѣстности весь *raison d'être* подобныхъ правительствъ.

Впрочемъ, побѣдителей не судятъ, даже если они побѣдители на часъ. Фарсъ пока продолжается и, повидимому, съ нѣкоторымъ успѣхомъ: въ академическихъ кругахъ говорятъ, на примѣръ, о приглашеніи на междусоюзническій научный конгрессъ представителей государствъ — буфферовъ. Пожелаемъ, чтобы эстонская физика, лифляндская химія и латыш-

ская математика были достойно представлены на конгрессѣ между союзнической науки.

"Пройдутъ года"—и даже не года, а мѣсяцы — и конечно многое переменится. Мы узнаемъ, вѣроятно, (уже есть кое-какіе прецеденты), что 99 проц. сепаратистовъ были сепаратистами только временно, по дальновиднымъ тактическимъ соображеніямъ, а въ глубинѣ души неизмѣнно держали курсъ на "единую и недѣлимую"... Малая исторія составить въ алфавитномъ порядкѣ списокъ темныхъ людей, бывшихъ министрами, президентами и послами. Это будетъ съ ея точки зрѣнія необходимое и достаточное объясненіе всему случившемуся.

Въ психологическомъ отношеніи здѣсь передъ нами картина, сходная съ той, какую являетъ собой большевизмъ: сколько негодяевъ горитъ нынѣ желаніемъ возродить несовершенное человѣчество! сколько Алкивиадовъ желаетъ найти примѣненіе своимъ политическимъ и другимъ талантамъ!...

Такъ дѣло обстоитъ не только у насъ. Никогда во всемъ мірѣ рекламная демагогія и демагогическая реклама не имѣли такого успѣха, какъ теперь. Валитъ густой дымъ отъ гаснущаго огня. Послѣ сенсацій, которыми насъ ежедневно оглушали въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, курсъ славы совершенно измѣнился — не только количественно, но и качественно. Въ старину (шесть лѣтъ тому назадъ была старина) писатель, желавшій обновить на своемъ челѣ приглядѣвшіеся или потрепанные лавры, въ лучшемъ случаѣ писалъ сенсационную статью, въ худшемъ — учинялъ скандалъ въ публичномъ мѣстѣ. Теперь ему необходимо по крайней мѣрѣ взять Фіуме.

Развѣ не было бы всѣмъ спокойнѣе, еслибъ современные Алкивиады завели себѣ собакъ ?

Мосье Трике и Россія. Происходила забастовка парижскихъ газетъ. Пишущій эти строки ежедневно просматривалъ коллективную правую *La Presse de Paris*, коллективную лѣвую *La Feuille Commune* и испытывалъ такое чувство, будто ему чего-то не хватаетъ. А казалось бы, все есть. Нѣтъ худа безъ добра, — говорить пословица — и говорить, кстати, врядъ ли вѣрно: есть худо безъ всякаго добра и нѣтъ худа безъ другого худа. Но въ данномъ случаѣ пословица оправдывалась: благодаря забастовкѣ наборщиковъ, можно было очень быстро, съ затратой четырехъ су, ознакомиться со всѣми откровеніями политической жизни и мысли на всѣхъ долготахъ, широтахъ и полюсахъ. Я никогда не былъ такъ хорошо освѣдомленъ, какъ во время газетной забастовки. Чего-то однако не хватало. Чего-же? Телеграммы есть, послѣднія извѣстія есть, передовыхъ сколько угодно... Да, не хватало протеста Анри Барбюсса.

Этотъ писатель — безспорно талантливый — принадлежитъ къ особой категоріи такъ называемыхъ *ouveaux riches*.—На войнѣ нажились не только коммерсанты, торговавшіе снарядами, консервами, обувью, сукномъ и т.п. Нажились на ней и нѣкоторые писатели. Первые приобрѣли деньги, вторые славу. Кто зналъ до войны Анри Барбюсса? Теперь авторъ обличительнаго "Огня"—знаменитость. Онъ велъ себя на войнѣ и писалъ о ней съ достоинствомъ. Но, къ сожалѣнію, слава, быстро приобретенная протестомъ, положила странный отпечатокъ на послѣдующую дѣятельность Анри Барбюсса. Она облеклась въ форму какого-то непрерывнаго града протестовъ. Барбюссъ протестуетъ противъ интригъ русскихъ реакціонеровъ! Барбюссъ разоблачаетъ *les affreux soudards du tsarisme*! Барбюссъ протестуетъ противъ интервенціи союзниковъ въ Россіи! Барбюссъ требуетъ очищенія Фіуме (по-

слѣднее было впрочемъ стильно : grand match sensationnel : Henri Barbusse contre Gabriel d'Annunzio!!)(1). Затѣмъ была основана лига бывшихъ воиновъ, во главѣ которой естественно сталъ Барбюссъ, очевидно по довѣренности полутора миллионовъ погибшихъ французскихъ солдатъ и шести миллионувъ, оставшихся въ живыхъ. Потомъ создалась группа La Clarté, носящая — по чистой случайности — название одного изъ романовъ Барбюсса, причемъ послѣдній, разумѣется, оказался главой и этой группы. Затѣмъ появилось сообщеніе (вдобавокъ невѣрное), что Ленинъ въ восторгѣ отъ генія Барбюсса (въ томъ, что Барбюссъ въ восторгѣ отъ генія Ленина, сомнѣваться не приходится и безъ всякаго сообщенія : авторъ «Le Feu» состоитъ литературнымъ директоромъ (directeur littéraire) газеты Лонге (Le Populaire).

Во многомъ изъ того, что теперь пишетъ Барбюссъ, нѣтъ ничего дурного. Но, къ сожалѣнію, большая часть его деклараций и протестовъ облекается въ нѣсколько назойливую, рекламную формулу : Buvez tous le Grand Marnier! Chocolat Poulain, goûtez et comparez! Это тѣмъ болѣе досадно, что нашумѣвшій романъ Барбюсса «Le Feu», напротивъ, поражалъ тонко и съ большимъ вкусомъ выдержанной незамѣтностью рассказчика въ массѣ простыхъ темныхъ солдатъ.

Это обстоятельство, впрочемъ, не такъ существенно. Гораздо печальнѣе то, что главнымъ предметомъ свей протестующей и декларативной дѣятельности Анри

(1) Изъ только что вышедшей книги Herz'a : Henri Barbusse я узналъ, что въ ближайшемъ будущемъ *manifestes* Барбюсса выйдутъ отдѣльнымъ томомъ! Кроме того, во время чтенія корректуры настоящей статьи, появился еще одинъ протестъ, украшенный подписью неутомимаго писателя, — противъ бѣлага террора въ Будапештѣ. Единственное, противъ чего не протестуетъ Барбюссъ, это красный терроръ въ Москвѣ.

Барбюссъ почему-то избралъ Россію и русскія дѣла, о которыхъ онъ, естественно, не имѣеть ни малѣйшаго представленія.

Классическая русская литература знаетъ типъ, увѣковѣченный Пушкинымъ, Тургеневымъ и Щедринымъ: это *Goutchitel*. Человѣкъ, у себя на родинѣ занимавшійся совершенно другимъ ремесломъ, попадалъ въ Россію,—по своей-ли прихоти, въ обозѣ-ли Наполеона, иной-ли волею судьбы, — и становился педагогомъ. Типъ былъ не дурной и никакихъ плохихъ воспоминаній по себѣ въ Россіи не оставилъ, какъ не оставило таковыхъ и вообще все французское вліяніе (если не считать выходки Чацкаго противъ "французика изъ Бордо", выходки, подтверждавшей мнѣніе Пушкина о недалекомъ умѣ Грибоѣдовскаго героя). Теперь, къ сожалѣнію, появились въ Европѣ *les outchitels* другого свойства: люди, судящіе о русской политической трагедіи и наставляющіе ея дѣйствующихъ лицъ съ совершенной компетентностью *monsieur* Трике.

Я, разумѣется, весьма далекъ отъ мысли, что о дѣлахъ каждой страны могутъ имѣть сужденіе только ея граждане. Русскимъ, пользующимся въ настоящее время гостепріимствомъ Западной Европы, интересующимся ея дѣлами, такое заявленіе всего менѣе бы подобало. Но, конечно, и независимо отъ этого должно признать, что для всякой страны мнѣніе иностранцевъ въ высшей степени важно и цѣнно; боязнь этого мнѣнія—признакъ политической и умственной слабости. Въ частности, французское общественное мнѣніе особенно должно быть дорого русскимъ, вслѣдствіе высокой умственной культуры и мірового обаянія Франціи. Но именно поэтому отъ иностранцевъ, желающихъ быть руководителями общественнаго мнѣнія по русскимъ дѣламъ, позволительно требовать извѣстнаго минимума знакомства съ Россіей, ея исторіей, языкомъ, литерату-

рой и политической жизнью. Люди, вполне въ этомъ отношеніи компетентные, въ Европѣ ссть, и во Франціи ихъ больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ союзнаго лагеря. Къ сожалѣнію, именно они - то высказываются по русскимъ дѣламъ мало и рѣдко. А судять — и весьма авторитетно — люди гораздо менѣе компетентные.

Много, на примѣръ, во Франціи, въ Англіи, въ Италиіи большевиковъ и такъ называемыхъ большевистствующихъ. Но что же они знаютъ о своемъ собственномъ ученіи? Творецъ и главный теоретикъ большевизма, Ленинъ, написалъ на своемъ вѣку нѣсколько тысячъ печатныхъ страницъ; изъ нихъ переведено на французскій языкъ около шестидесяти (на другіе языки, вѣроятно, еіще меньше). По существу, собственно жаль, что перевели и эти шестидесять страницъ безудержной, развращающей демагогіи. Но, съ точки зрѣнія французскаго большевика, вопросъ ставится, конечно, иначе. Что бы мы сказали о Кантіанцѣ, который никогда не читалъ Канта? Врядъ ли нужно пояснить, что я никакъ не сравниваю московскаго теоретика съ кенигсбергскимъ. Однако, большевикъ, не имѣющій представленія о доктринахъ Ленина, все же представляеть собой нѣчто парадоксальное.

Если бы Барбюссъ въ свое время изучилъ русскій языкъ и политическую литературу, если бы онъ теперь сѣзидилъ въ Москву (проѣхать желающему можно, не взирая ни на какую блокаду), и пожилъ бы — ну, хоть полгода — райской жизнью Всероссійской Федеративной Совѣтской Республики, его протесты несомнѣнно бы много выиграли въ силѣ и авторитетности. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь сначала — *goûtez* и только потомъ — *comprenez*.

Но, можетъ быть, тогда онъ не заявлялъ бы протестовъ или они были бы направлены не въ ту сторону.

Анри Барбюссъ написалъ "Огонь"; можетъ быть, онъ написалъ бы и "Дымъ". И ужъ навѣрное онъ не зачислялъ бы съ такой легкостью въ реакціонеры и во враги русскаго народа людей, которые болѣли горемъ Россіи и боролись за ея свободу въ то время, когда народныя комиссары въ парижскихъ кафе коротали часы съ Сашкой Косымъ, Иеронимъ Ясинскій творилъ погромныя произведенія, а самъ Барбюссъ ходилъ на уроки въ гимназію.

На альпійскихъ вершинахъ. Въ числѣ большевистствующихъ называютъ также и знаменитаго автора "Жанъ-Кристофа".

Я не знаю, на твердыхъ ли началахъ покоится подобная репутація Ром. Роллана (1). Насколько мнѣ извѣстно, о русскомъ большевизмѣ онъ пока не высказался въ совершенно опредѣленной формѣ. Ничего новаго не принесла и только что вышедшая его политическая книга : *Les Précurseurs*. Сердцу Ром. Роллана, повидимому, гораздо ближе нѣмецкіе спартакисты. Книгу свою онъ посвятилъ пяти "мученикамъ новой вѣры: челоуѣческаго интернаціонала,--жертвамъ свирѣпой глупости и убійственной лжи, освободителямъ людей, которые ихъ убили". Многое можно было бы, конечно, сказать объ этомъ посвященіи; можно было бы, на примѣръ, замѣтить, что Жанъ Жоресъ имѣлъ весьма мало общихъ взглядовъ съ Розой Люксембургъ, а Карлъ Либкнехтъ далеко не во всемъ сходился съ Куртомъ Эйсеромъ. Между погибшими людьми, имена которыхъ соединены Р. Ролланомъ въ посвященіи книги, проходила баррикада. Но во всякомъ случаѣ въ числѣ

1) Уже послѣ того, какъ эти строки были написаны, я имѣлъ возможность убѣдиться—изъ первоисточника—въ большевнестскихъ симпатіяхъ Ром. Роллана. Правда, симпатія эти связаны съ рядомъ оговорокъ.

избранныхъ именъ, слава Богу, нѣтъ ни Володарскаго, ни Урицкаго. Не будемъ однако отъ себя скрывать, что въ статьяхъ французскаго писателя, появившихся къ тому же въ газетахъ толка *Le Populaire*, можно безъ большой натяжки усмотрѣть и нѣкоторый "большевизмъ".

Война произвела странное дѣйствіе на Ром. Роллана. Онъ писалъ о ней въ тонѣ неподдѣльнаго благородства; въ этомъ тонѣ написаны и статьи, составляющія его новую книгу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣднее время Р. Ролланъ приобрѣлъ склонность бросаться на шею первому встрѣчному, лишь бы первый встрѣчный былъ противникомъ военной идеологіи 1914 года.

Эта склонность порою приводитъ къ явленіямъ весьма любопытнымъ. Такъ 9 ноября 1918 года Ром. Ролланъ бросился на шею президенту Вильсону: "Господинъ президентъ,—писалъ онъ,—вы пользуетесь мировымъ авторитетомъ... Наслѣдникъ Вашингтона и Авраама Линкольна, возьмите въ свои руки дѣло не одной какой либо партіи, не одной какой либо націи, но всѣхъ! Созовите представителей народовъ на Конгрессъ Человѣчества! Предсѣдательствуйте на немъ со всѣмъ авторитетомъ, который даютъ вамъ ваше высокое моральное сознаніе и могучее будущее огромной Америки! Говорите, говорите всѣмъ! Міръ изголодался по голосу (1), который перешагнулъ бы черезъ границы, раздѣляющія націи и классы. Будьте арбитромъ свободныхъ народовъ!"

Но уже нѣсколькими днями позже (4 декабря) энтузіазмъ Роллана сильно остылъ: "Я не вильсоніанецъ,—писалъ онъ Лонге, — я слишкомъ хорошо вижу, что посланіе президента, столь же ловкое, сколь великодушное

1) «Le monde a faim d'une voix», — стиль Ром. Роллана ничего не выигралъ отъ его новыхъ увлеченій.

(non moins habile que généreux), стремится (добросовѣстно) осуществить въ мирѣ идею буржуазной республики франко-американскаго типа. Этотъ консервативный идеаль меня больше не удовлетворяетъ“. Тѣмъ не менѣе Р. Ролланъ считалъ тогда совершенно необходимымъ всецѣло поддерживать президента Вильсона: ”Этотъ выдающійся буржуа,—писалъ онъ,—воплощаетъ самое чистое, самое безкорыстное, самое человѣческое изъ того, что есть въ сознаниі его класса“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ іюнѣ 1919 г.) Ром. Ролланъ, однако, уже совершенно разочаровался въ президентѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ: ”Моральное отреченіе Вильсона, который оставилъ свои собственные принципы, не имѣя искренности признать это, означаетъ крушеніе великаго буржуазнаго идеализма, поддерживавшаго, несмотря на всѣ ошибки, въ теченіи полутора столѣтій престижъ и силу правящаго класса. Послѣдствія этого опыта неисчислимы“.

Революція, продѣланная французскимъ писателемъ, въ высшей степени любопытна и было бы, конечно, несправедливо относить ее исключительно на счетъ измѣнчивости взглядовъ самаго Ром. Роллана. Но этотъ опытъ могъ его научить не бросаться на шею людямъ, которые извѣстны міру только по газетѣ (все равно по какой: *Le Matin* или *Le Populaire*). Я говорю: могъ научить. Однако не научилъ: ибо Р. Ролланъ немедленно бросился на шею Спартаку.

Можетъ быть, вслѣдъ за Спартакoмъ придетъ Ленинъ. Но, можетъ быть, выявится и что либо другое. Пока знаменитый романистъ все какъ-то ходитъ вокругъ да около большевистской революціи. 1 мая 1917 года (т.е. задолго до большевиковъ) онъ восторженно писалъ ”Россіи свободной и освобождающей“: ”Пусть революція ваша будетъ революціей великаго народа, — здороваго, братскаго, человѣческаго, избѣгающаго край-

ностей, въ которыя впала наша! Главное, сохраните единство! Пусть поидеть вамъ на пользу нашъ примѣръ! Вспомните о Французскомъ Конвентѣ, который, какъ Сатурнъ, пожиралъ своихъ дѣтей! Будьте терпимѣе, чѣмъ были когда-то мы!" Казалось бы, нельзя сказать, что большевики послѣдовали этимъ мудрымъ совѣтамъ. Ром. Ролланъ продолжаетъ, однако, и въ 1918 г. неопредѣленно писать о "новыхъ вѣяніяхъ, которыя во всѣхъ областяхъ мысли идутъ изъ Россіи". Въ какихъ именно областяхъ и какія вѣянія, онъ не объясняетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же книгѣ вскользь упоминается о "чудовищной вѣрѣ идеалистовъ гильотины", — якобинцевъ 1793 г. "La pensée russe est l'avant-garde de la pensée du monde", пишетъ Р. Ролланъ въ августъ 1919 года. Это, конечно, очень пріятно слышать, но было бы все таки полезно знать точно, кто именно представляетъ въ настоящее время русскую мысль.

Ром. Ролланъ — очень большой писатель и очень большой человекъ. Онъ совершенно чуждъ рекламѣ, тѣмъ болѣе саморекламѣ; такимъ онъ былъ всегда. Но онъ живетъ въ Швейцаріи, высоко надъ уровнемъ моря — и надъ уровнемъ земли. Онъ "любитъ людей" отсюда, откуда ихъ видно плохо. Прежде въ долину, гдѣ шумѣла "ярмарка на площади", онъ любилъ ихъ меньше. Въ Швейцарскихъ горахъ хорошо писать о философіи Эмпедокла или о походженіяхъ французскаго крестьянина, имѣющихъ давность въ нѣсколько столѣтій. И дѣйствительно Empédocle d'Agrigente — прекрасный философскій этюдъ, а Colas Breugnon — высоко художественное произведеніе, которое останется во французской литературѣ. Но о нѣкоторыхъ новѣйшихъ политическихъ выступленіяхъ знаменитаго писателя намъ, его искреннимъ и давнишнимъ почитателямъ, приходится сильно пожалѣть.

Ром. Ролланъ напрасно назвалъ "Les Précurseurs",

продолженіемъ "Au-dessus de la Mêlée" : тогда онъ былъ "выше свалки", теперь онъ въ ней самой—только какъ-то чуть сбоку. Не дай ему Богъ оказаться *au-dessous de la Mêlée*. Ибо ниже свалки тотъ, кто, живя въ Швейцаріи или въ Парижѣ, гордо бряцаетъ окровавленнымъ топоромъ Ленина. Этого пока, къ счастью, не случилось съ Ром. Ролланомъ. Но съ высоты снѣговыхъ горъ онъ прежде лучше видѣлъ огонь, чѣмъ теперь различаетъ дымъ. За Альпами ему не видно Чрезвычайки.

Вопросительные знаки. Еще другое знаменитое имя занесено въ списокъ лицъ, неблагонадежныхъ по большевизму.

Во время предвыборной агитаціи я какъ-то зашелъ на митингъ, почетнымъ предсѣдателемъ котораго былъ капитанъ Садуль. Могу засвидѣтельствовать, что ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о русскихъ дѣлахъ, тамъ не говорилось : вся электоральная кампанія въ Парижѣ сводилась къ спору о Россіи; очевидно, у прекрасной Франціи нѣтъ своихъ заботъ. На этомъ митингѣ разные молодые человѣки, которые, повидимому, для народнаго блага считали совершенно необходимымъ пройти въ парламентъ, несли всевозможную ерунду о Россіи, о доблестныхъ большевикахъ, о возвышенной *Constitution des Soviets*. Публика сочувственно внимала... Внезапно одинъ изъ молодыхъ человѣковъ произнесъ два имени : *nos glorieux camarades : Jean Longuet... Anatole France...* Залъ разразился бѣшенными аплодисментами.

Итакъ между редакторомъ *Le Populaire* и авторомъ "*Les Dieux ont soif*" поставленъ въ нѣкоторомъ родѣ знакъ равенства. Это недурно.

И то сказать, каждый номеръ газеты *Le Populaire* украшенъ эпиграфомъ изъ Анатоля Франса: *L'union des*

travailleurs fera la paix du monde. Не знаю, изъ какого именно произведенія короля французскихъ писателей заимствованъ означенный эпитафъ ; не знаю также, почему для извлеченія этой мысли, не блестящей чрезмѣрной оригинальностью, нужно было обращаться къ утонченнѣйшему изъ скептиковъ. Но очевидно, что митинговый молодой человѣкъ, съ формальной стороны, если и вралъ, то все-таки зналъ мѣру.

Въ послѣднемъ своемъ романѣ "Le petit Pierre" прославленный романистъ рассказываетъ, что въ дѣтствѣ, изучая правописаніе, онъ никакъ не могъ понять назначенія вопросительныхъ знаковъ и постоянно ихъ пропускалъ въ диктовкѣ, чѣмъ очень огорчалъ свою добрую мать. "Я сильно перемѣнился съ тѣхъ поръ, — неожиданно добавляетъ Анатоль Франсъ, — теперь я ставлю вопросительные знаки. Я готовъ даже ставить ихъ послѣ всего того, что я говорю, пишу, думаю. Моя матушка теперь, вѣроятно, нашла бы, что я ставлю ихъ слишкомъ много".

Это замѣчаніе нѣсколько успокаиваетъ насъ насчетъ большевизма Анатоля Франса. Для Жана Лонге, напримѣръ, никакихъ вопросительныхъ знаковъ въ природѣ не существуетъ ; всѣ вопросы были разрѣшены его дѣдомъ. Повидимому, "*nos glorieux camarades*" все таки не совсѣмъ подходятъ другъ къ другу.

Въ началѣ войны Анатоль Франсъ, когда-то разсматривавшій міровыя явленія съ точки зрѣнія тѣхъ спиральныхъ туманностей, о которыхъ говорить въ настоящей книгѣ нашего журнала В. А. Анри, собирался пойти добровольцемъ и даже ходилъ куда-то на военно-медицинскій осмотръ. Ничего, кромѣ всеобщаго изумленія, изъ этого, конечно, не вышло : можно было а priori предположить, что французскія власти не пошлютъ въ окопы такого добровольца. Забраванный Анатоль Франсъ остался дома. Съ тѣхъ поръ у него

было еще нѣсколько политическихъ выступлений, которыя были бы тоже нѣ совсѣмъ понятны, если не принимать въ расчетъ теорію вопросительныхъ знаковъ. Последнее изъ нихъ запротоколировано какъ " большевизмъ "; только и всего.

Намъ, читателямъ, на Анатоля Франса пенять, конечно, не приходится. Пусть по-прежнему гранить онъ свою алмазную фразу и пусть ставитъ къ ней вопросительные знаки : въ немъ сверкаетъ и съ нимъ отъ насъ уйдетъ Когиноръ въ оправѣ тысячелѣтней культуры. Пусть же возможно дольше издѣвается надъ нами этотъ старый волшебникъ.

Третій Римъ и Третій Интернаціональ. Ромэнь Ролланъ большевизма не знаетъ, Анатоль Франсъ имъ и не интересуется. Вправѣ ли мы однако предъявлять чрезмѣрные требованья къ иностранцамъ? Мы и сами изъ большевизма знаемъ почти исключительно его практику. Для практическихъ выводовъ этого, впрочемъ, совершенно достаточно. Но историкъ, вѣроятно, изслѣдуетъ и большевистскую теорію (которую сами гг. большевики знаютъ плохо), и генезисъ этой теории (котораго они вовсе не знаютъ).

Историкъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ полагается дѣйствовать историку. Онъ начнетъ съ того, что отвергнетъ ходячее мнѣніе. — Неизвѣстно откуда пришли темные люди, частью фанатики, частью авантюристы, большей частью мошенники, совершенно чуждые Россіи, видящіе въ ней въ лучшемъ случаѣ хорошее опытное поле, въ худшемъ случаѣ прудъ мутной воды, гдѣ удобно ловить рыбу, — пришли, овладѣли властью и погубили Россію. — Въ этомъ ходячемъ мнѣніи очень много вѣрнаго. Но для историка оно все же окажется нѣсколько примитивнымъ. Онъ установитъ интимную связь большевизма съ Марксомъ, съ Бакунинымъ, съ

Сорелемъ, со многими другими : вѣдь Ленинъ объялъ необъятное. Затѣмъ онъ, вѣроятно, попытается пристегнуть большевизмъ къ одной изъ русскихъ философско-политическихъ традицій. И здѣсь передъ нимъ откроется широкое поле.

Большевики своей традиціи почти не создали, если не считать традиціей идейный грабeжъ и идейные погромы. Но пристегнуть ихъ, въ исторіи вообще и особенно въ русской исторіи, можно и должно къ очень многому. Здѣсь умѣстно помянуть Ткачева, Нечаева и Аввакума, Гришку Отрепьева и Стеньку Разина, и многихъ другихъ. Можетъ быть, самое лучшее опредѣленіе большевизма было дано полвѣка тому назадъ Герценомъ, предсказывавшимъ великое будущее въ Россіи тому, кто сумѣетъ объединить въ себѣ царя и Стеньку Разина. Это опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ Ленину, но оно относится главнымъ образомъ опять таки къ большевистской практикѣ. Стенька Разинъ, конечно, фигура въ русской жизни весьма знаменательная (1). Но въ теоретикѣ онъ не годится даже большевикамъ. Куда же пристегнетъ историкъ большевиковъ въ смыслѣ теоріи? Да скорѣе всего къ ихъ антиподамъ, — къ славянофиламъ.

1) Достаточно напомнить, какое мѣсто она занимаетъ въ волжскомъ эпохѣ, имѣющемъ впрочемъ чисто интеллигентское происхожденіе. Кто изъ русскихъ людей, обладающихъ минимумомъ голоса и слуха, не распѣвалъ поэтической пѣсни „Изъ за острова на стрежень“, пѣсни, въ которой грозный атаманъ съ такой *удалью* швыряетъ въ рѣку свою красавицу-княжну. Содержаніе этой пѣсни у насъ въ послѣдніе два года не разъ — и почти буквально — претворялся въ дѣйствительность. Но *въ жизни эта удалль* у русской интеллигенціи восторга не вызвала. Иностранцы, съ незапамятныхъ временъ говорящіе объ анархической и антисоціальной природѣ гражданъ Россіи, могли бы въ подобномъ эпосѣ найти кое-какіе аргументы въ пользу своего (вообщѣ говоря, довольно поверхностнаго) утвержденія: и) французы не распѣваютъ удалыхъ пѣсенъ о звѣрствахъ Каргуша, а въ англо-саксонскомъ Робинѣ-Гудовскомъ эпосѣ герой не топить любимыхъ дѣвушекъ въ рѣкѣ,

Послѣднее родство у насъ въ общественное самознание не проникаетъ. Въ силу чисто внѣшнихъ "акциденцій", намъ трудно привыкнуть къ мысли, что Ленинъ и Троцкій, хотя бы отчасти, являются духовными наслѣдниками Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ. Конечно, внѣшніе признаки говорятъ противъ такого сравненія. И социальная структура большевизма совершенно отлична отъ славянофильской, и Троцкій самъ по себѣ, разумѣется, нисколько не похожъ на Кирѣевского. Словесность, мундиръ, обряды у славянофиловъ были другіе. Константинъ Аксаковъ не носилъ красной повязки. Онъ носилъ русскую (по словамъ специалистовъ, впрочемъ, персидскую) мурملку и зипунъ 17 столѣтія, "сшитый французскимъ портнымъ". Славянофилы пили шампанское, разбавляя его квасомъ. Въ Совѣтской Россіи пьютъ денатуратъ, ничѣмъ его не разбавляя. Тогда въ Москвѣ былъ третій Римъ ("Москва есть третій Римъ, а четвертому не бывать"). Теперь въ Москвѣ третій Интернаціональ (четвертому, конечно, тоже не бывать). Не объ этомъ и рѣчь. За различіемъ акциденцій не должно просмотрѣть поразительное мѣстами сходство субстанцій: большевики оказались чрезвычайно злой сатирой на славянофиловъ.

Я имѣлъ уже случай въ другомъ мѣстѣ цитировать слова, которыя всякій нынѣшній читатель могъ бы съ полнымъ правдоподобіемъ приписать Ленину или Троцкому, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ авторомъ ихъ является Ф. М. Достоевскій: "Мы не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей буржуазіи и отъ спокойствія своихъ пролетаріевъ, покупаемаго уже послѣдними усиліями тамошнихъ правительствъ и всего лишь на часъ". Если поискать, то такихъ цитатъ можно найти сколько угодно и у перваго, и у втораго, и у третьяго поколѣнія славянофиловъ.

Та русская самобытность, та особенная статья, которой восторгался Тютчевъ въ своемъ извѣстномъ четверостишии, пострадавшемъ отъ не менѣе извѣстной пародіи Владиміра Соловьева, врядъ ли могла бы найти болѣе ревностныхъ и своеобразныхъ сторонниковъ, нежели нынѣшніе хозяева Москвы. Ужъ чего самобытнѣе путь, по которому большевики повели Россію. Правда, здѣсь слѣдуетъ сдѣлать теоретическую оговорку : по тому же пути они съ полной готовностью повели бы и всѣ другія страны. Но западно-европейскій міръ, какъ бы то ни было, за ними пока не идетъ и большевистская самобытность, стало быть, ничего въ своемъ достоинствѣ не теряетъ. Къ тому же нѣкоторый прозелитизмъ по отношенію къ западнымъ странамъ обнаруживали въ свое время и нѣкоторые практики славянофильскаго движенія. А, если угодно, то не только практики. Братья Аксаковы, напримѣръ, очень любили говорить объ общечеловѣческомъ характерѣ своего ученія. Константинъ Аксаковъ прямо писалъ : " можетъ быть, міръ не видѣлъ еще того общаго, человѣческаго, какое явить великая славянская, и именно русская, природа".

Съ другой стороны врядъ ли существовала отъ сотворенія міра страна, въ которой было бы такъ радикально осуществлено "премудрое незнанье иноземцевъ", какъ въ совѣтской Россіи. Въ этой послѣдней въ настоящее время на свободѣ гуляютъ лишь два иноземца — капитанъ Садуль и лейтенантъ Паскаль : всѣ остальные сидятъ въ тюрьмѣ. Т. е., теоретически здѣсь опять таки слѣдовало бы сдѣлать оговорку : совѣтская Россія сажаетъ въ тюрьмы только " буржуазныхъ " и " мелко-буржуазныхъ " иноземцевъ ; иноземнымъ большевикамъ она, напротивъ, была бы душевно рада, какъ дорогимъ гостямъ. Но — что подѣлаешь съ рокомъ? — въ Москву упорно не желаютъ теперь ѣхать вообще никакіе иноземцы. Самые восторженные поклонники совѣт-

скаго строя, которыхъ судьба забрасываетъ въ Россію, почему-то очень быстро оттуда уѣзжаютъ (какъ, на примѣръ, Артуръ Рансомъ, прожившій въ Москвѣ цѣлыхъ шесть недѣль).

Въ маѣ 1919 г. Ленинъ представилъ большой докладъ московскому социалистическому конгрессу, который заложилъ основы Третьяго Интернаціонала. Въ этомъ историческомъ документѣ онъ со свойственной ему яростью изобличалъ мерзость современнаго западно-европейскаго строя и краснорѣчиво доказывалъ, что истинная свобода существуетъ только въ совѣтской Россіи. При чтеніи этого документа мнѣ трудно было отдѣлаться отъ мысли, что нѣкоторыя его положенія представляютъ собой настоящій плагиатъ изъ Константина Аксакова. Этотъ неглупый и очень благородный чудакъ николаевской Москвы столь же краснорѣчиво разоблачалъ въ свое время западно-европейскую цивилизацію. "Западъ, — писалъ онъ, — весь проникнуть ложью внутренней, онъ сталъ отвратительнымъ явленіемъ" (буквально). — "Нѣтъ, свобода не тамъ, писалъ Аксаковъ.—Она въ Россіи". Подданный Николая I, пять лѣтъ боровшійся за право ношенія бороды и этого права такъ-таки не добившійся (бороду пришлось сбрить), не менѣе серьезно восхвалялъ свою свободу, чѣмъ Ленинъ — свободу кліентовъ Всероссийской Чрезвычайной Коммиссіи.

Разумѣется, съ формальной стороны и здѣсь возможно возраженіе. Ленинъ изобличаетъ не Западъ вообще, не Западъ "какъ таковой", а Западъ капиталистическій. Но это возраженіе аналогіи положительно не вредить. Какъ мы видѣли, и славянофилы — особенно, позднѣйшихъ формацій — любили поговорить о биржахъ западно-европейской буржуазіи. Изобличеніемъ господствующихъ классовъ, превознесеніемъ классовъ угнетенныхъ ихъ тоже никакъ нельзя было удивить.

Только ихъ языкъ теперь нѣсколько устарѣлъ : вмѣсто слова "капиталисты" они употребляли слово "публика" ; вмѣсто "пролетаріатъ" говорили "народъ". Пожалуй, достаточно напомнить одно только знаменитое опредѣленіе того же Константина Аксакова : " въ публикѣ — грязь въ золотѣ ; въ народѣ — золото въ грязи ". Однимъ словомъ, славянофилы были демократы. Какая цѣна была въ жизни ихъ демократизму, другой вопросъ. Л. Н. Толстой со своей холодной усмѣшкой рассказывалъ, что цѣну эту онъ постигъ однажды изъ слѣдующаго небольшого эпизода : онъ шелъ по Арбату въ обычномъ крестьянскомъ платьѣ; ему встрѣтился проѣзжавшій на лихачѣ вождь славянофиловъ И. С. Аксаковъ. Толстой поклонился, Аксаковъ бѣгло оглянулъ его и не счелъ нужнымъ отвѣтить: въ старомъ мужикѣ онъ не узналъ графа Толстого. Грязь въ золотѣ не удостоила поклона золота въ грязи. — Славянофилы были такіе же демократы, какъ большевики. Мессіанистская вѣра Ленина видитъ въ пролетаріатѣ средоточіе всѣхъ возможныхъ въ природѣ добродѣтелей. И какъ тѣмъ не менѣе усердно разстрѣливаются рабочіе въ совѣтской и пролетарской Россіи.

Можно было бы въ этой аналогіи пойти и дальше. Самая идея взаимоотношеній между властью и обществомъ, нынѣ существующихъ въ Москвѣ, смутно намѣчалась — конечно, не въ буквально томъ же видѣ — еще славянофилами.

Когда вступилъ на престолъ Александръ II, Константинъ Аксаковъ представилъ ему записку, озаглавленную "О внутреннемъ состояніи Россіи" и заключающую въ себѣ слѣдующіе тезисы :

"I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предостав-

ляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Взаимнѣ того, Русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть безъ вмѣшательства въ нее народа, — можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство : правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству, — это мнѣніе (слѣдовательно, сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять или не принять “.

Все это почти трогательно въ своей дѣтской наивности. Вѣроятно, ни Александръ II, ни графъ Блудовъ, черезъ котораго была подана записка, ни даже самъ Аксаковъ не относились къ ней вполне серьезно, какъ къ государственному дѣлу. Можно также съ нѣкоторой увѣренностью предположить, что Ленинъ Аксаковской записки никогда въ глаза не видѣлъ. Тѣмъ не менѣе предначертанія ея онъ выполнилъ въ весьма значительной мѣрѣ. Всецѣло согласуясь съ первыми двумя тезисами, онъ забралъ себѣ неограниченную государственную власть. Тезисъ же пятый онъ выполнилъ лишь отчасти. Во Всероссийской федеративной совѣтской республикѣ народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, не имѣетъ и права “мнѣнія, которое правительство вольно принять или не принять“. Но “ограниченія“, установленныя Ленинымъ и не имѣющія, кажется, прецедентовъ по безстыдству въ культурной исторіи, ка-

саются только вишняго выраженія нравственной свободы. Большевики отдѣлили свободу духа отъ свободы слова. Аксаковъ думалъ, что слову нѣтъ нужды выливаться въ дѣйствіе ; Ленинъ призналъ, что духу нѣтъ никакой надобности выливаться въ слово. Большевики ушли отъ гнилого запада еще дальше на востокъ, чѣмъ славянофилы : индусскіе факиры воспитываютъ нравственный духъ молчаніемъ и умерщвленіемъ плоти ; творцы голода и чрезвычайекъ создали для русскаго народа такія условія жизни, при которыхъ онъ не нуждается въ добровольномъ самоистязаніи: каждый житель совѣтской Россіи нынѣ тотъ же индусскій факиръ.

Теперь большевики завоевываютъ южную Россію. Я читаю заявленія большевистской прессы о Красномъ Кіевѣ, о Совѣтскомъ Харьковѣ, о Коммунистической Одессѣ, о братской рукѣ помощи, которую черезъ головы гадовъ буржуазіи, вонзающихъ кинжалъ въ спину революціи, протягиваютъ этимъ краснымъ городамъ красная Москва и красный Петроградъ; читаю толки о томъ, какой изъ южныхъ городовъ нужно осчастливить захватомъ въ первую очередь, — и мнѣ вспоминается одна изъ передовыхъ статей Ивана Аксакова : "Моря и Москвы хочетъ достигнуть Кіевъ, пуще моря Москва нужна Харькову; Кіеву — первый почетъ, да жаль обидѣтъ и Харькова. Или Русь-Богатырь такъ казной-мошной отошала и ума-разуму истеряла, что не подь силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму за единый разъ добыть обоихъ путей, обоихъ морей, желѣзомъ сягнуть до Чернаго черезъ Кіевъ-градъ и Азовское на цѣль къ Москвѣ черезъ Харьковъ взять, чтобы никому въ обиду не стало?" Вотъ только поставить передъ всѣми географическими наименованіями этой политической быliny соответствующіе эпитеты: красный, совѣтскій, коммунистическій, — и по тону сходство съ "Правдой" будетъ разительное. То же раз-

вязное бахвальство и въ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ. Читаешь новости большесвистскихъ газетъ: въ Парижѣ засѣдаютъ Совѣты, въ Лондонѣ вспыхнула коммунистическая революція, на Рейнѣ ждуть-недождутся появленія арміи Троцкаго для совмѣстной борьбы съ империалистами всего міра... Впрочемъ, отчего бы и нѣтъ? Или совѣтская Русь такъ казной-мошной отошала и ума-разуму истеряла, что не подь силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму — закидать буржуазную Европу — ну, не шапками, такъ прокламаціями?

Самобытность — хорошая вещь, поскольку ее не подвергаютъ своеобразнымъ опытамъ *reductionis ad absurdum*. Отъ дыма той и этой самобытности надо освободиться разь навсегда. Мы видѣли — своими глазами, безъ цвѣтныхъ стеколъ теоріи — Европу и Россію — и до войны, и во время страшнаго испытанія, и послѣ него. Не все въ Европѣ хорошо, объ этомъ что и говорить. Но со всѣмъ тѣмъ дурнымъ, что въ ней есть, у Европы не только намъ, но и Америкѣ, можно и должно многому поучиться: въ результатѣ грозныхъ уроковъ жизни мы начинаемъ доходить до азбуки, до азбуки Потугинскихъ идей. Никогда не мѣшаетъ, конечно, повторять азбуку, хотя это скучно. И не азбука ли приводитъ насъ къ мысли, что нужно поскорѣе забыть самую возможность противопоставленія двухъ понятій: Европа, Россія.

Въ области внутреннихъ взаимоотношеній "старшого и меньшого братьевъ" мы, слава Богу, тоже начинаемъ приходить къ азбукѣ. Намъ пришлось убѣдиться въ томъ, что и "публика" не сплошная грязь, и народъ не сплошное золото. Жизнь меланхолической поставила здѣсь знакъ равенства: публика стоитъ народа, народъ стоитъ публики. Имъ остается только такъ или иначе протянуть другъ другу руку; и дай Богъ,

чтобы это было сдѣлано поскорѣе : иначе будетъ плохо и публикѣ, и народу.

О Грядущей Россіи. Этой цѣли сближенія будетъ по мѣрѣ возможности служить и журналъ, начинаемый нами въ Парижѣ въ столь трудное время.

Не по чистой случайности въ первой книгѣ "Грядущей Россіи" помѣщены статьи о Герценѣ и нѣсколько Пушкинскихъ строкъ. Мы руководились тѣми же мотивами, по которымъ оперный сезонъ въ русскихъ театрахъ открывался произведеніемъ Глинки.

Лучше не имѣть никакой традиціи, чѣмъ имѣть плохую традицію. Съ этой истиной, отъ которой бы, вѣроятно, не отказался Кузьма Прутковъ, все еще не соглашаются многіе русскіе люди. Зато, кажется, совершенно безспорно, что самое лучшее слѣдовать традиціи хорошей, если, конечно, таковая имѣется.

" L'artiste est la boussole qui, pendant la tempête, marque toujours le Nord ", прекрасно сказалъ когда-то Ром. Ролланъ. Грозно гремитъ буря по напоеннымъ кровью пустынямъ Россіи. Что же показываютъ намъ компасы русскихъ писателей?

Одни молчатъ — по обстоятельствамъ зависящимъ и независящимъ. Другіе говорятъ, но лучше бы молчали. О третьихъ мы ничего не можемъ узнать въ нынѣшней обстановкѣ Брынскихъ лѣсовъ. Что говорить, что думаетъ В. Г. Короленко? Его голосъ не доходить до далекаго Парижа. Намъ неизвѣстно даже то, въ какомъ государствѣ, въ чьемъ подданствѣ очутился теперь знаменитый русскій писатель. Взялъ ли его подъ свою высокую руку генераль Петлюра? Или суверень его нынѣ гетманъ Григорьевъ? А то, быть можетъ, атаманъ Махно, либо комиссаръ Пятаковъ? Какая армія,—красная, зеленая, фіолетовая,—диктуетъ ему свой безшабашный законъ? Ничего не знаемъ. Мы

не сомнѣваемся лишь въ томъ, что этотъ свѣточъ горитъ, какъ всегда, чисто, ровно, безъ треска, безъ дыма.

Тяжелые слухи приходятъ къ намъ о другихъ. Умеръ Леонидъ Андреевъ. Тоже умеръ — политической смертью — Максимъ Горькій. Александръ Блокъ своей поэмой "Двѣнадцать" оскорбилъ дѣйствиємъ самого себя.

Одни заживо мертвы. Зато другіе живы въ могилѣ. По компасамъ Пушкина и Герцена "Грядущая Россія" хочетъ направить свой путь.

Пушкинъ, рядомъ съ Толстымъ, высшее достиженіе Россіи въ области искусства. Герценъ послѣднихъ лѣтъ, умудренный тяжелыми уроками, освободившійся отъ наивныхъ иллюзій, ея высшее достиженіе въ области политической мысли. Въ этихъ своихъ вершинахъ русская культура равняется съ самымъ высокимъ изъ того, что было дано культурой міровой, — и съ міровой общечеловѣческой культурой тѣснѣ всего сливается.

Названныя имена опредѣляютъ традицію, которой мы хотимъ слѣдовать. Пусть не скажутъ, что это звучитъ гордо, — дѣло идетъ лишь о направленіи: дорогу къ новому континенту указалъ Колумбъ; слѣдовать по ней можетъ каждый.

М. А. Ландау-Алдановъ.